

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark pinstripe suit with a striped tie. He has a serious, intense expression. The woman, on the right, has long brown hair and blue eyes, wearing a light-colored dress with a large ruffled collar. She has a softer, more enigmatic expression. The background is dark with some golden, leafy branches visible. The text is in Russian.

ЕЛИЗАВЕТА НАЙТ

СБЕЖАВШАЯ
НАЙТИ И НАКАЗАТЬ

Елизавета Найт

Сбежавшая. Найти и наказать

«Литнет»

2022

Найт Е.

Сбежавшая. Найти и наказать / Е. Найт — «Литнет», 2022

Наш брак развалился, не успев начаться. Измены, недомолвки, взаимные обвинения... Я сделала свой выбор и ушла. Сбежала в другую жизнь, лишенную блеска, денег и лицемерия. Вот только я унесла с собой три тайны. И если безумные траты и измену с его младшим братом муж еще может мне простить, то спрятанную от него дочь не простит никогда! Вниманию! Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения.

© Найт Е., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Ярослав.	10
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

-Афля... - дочка крепко держит меня за пальчик и упрямо тянет в самую гушу праздника.
- Идем, идем. Потихе, Соня, - пытаюсь перехватить ее за вторую ручку, но упрямый карапуз жаждет самостоятельности.

Закрываю глаза и улыбаюсь. Только ходить научились, а все туда же. Упрямая, вся в отца...

Осекаюсь!

Никогда! Никогда не вспоминать о нем. Никогда не говорить и даже не думать. Нам не нашлось места в его жизни. Ему нет места в нашей.

В центре зала малыши от года до пяти водят хоровод с аниматорами. Гелиевые шары, ростовые куклы, веселье льется через край.

Вот только я уже устала.

- Малыш, - подхватываю дочь на руки и кружу. – Пойдем домой?! Ну пойдем!

Целую визжащую от удовольствия дочь.

Может, так удастся ее отвлечь и утянуть с чужого праздника жизни. Тем более, что нам уже давно пора спать. У нас режим.

- Полина? – знакомый голос ударяет в спину. Вздрагиваю и рефлекторно прижимаю малышку к груди.

Нет, нет, нет. Этого просто не может быть!

Мои пальцы должно быть до боли впиваются в дочку. Она пытается вывернуться и начинает хныкать.

- Тише, малышка, - перехватываю ее, опираю о бедро и медленно оборачиваюсь.

Сердце сбивается с ритма, замирает на секунду, но тут же срывается в галоп.

Этого не должно было случиться. Никогда. Я же выбрала этот город специально...

- Не здороваешься? – темная бровь насмешливо изгибается. Ледяной тон пробирается под кожу.

- Здравствуй, Влад, - хочу сказать громко, но выдыхаю шепотом. – Ярослав тоже здесь?

Лишь скользну взглядом по фигуре старшего брата моего мужа. Строгий костюм, белоснежная рубашка, галстук, запонки блестят в свете прожекторов. Он выделяется на фоне неформально одетых родителей.

- Тебя интересует Ярослав? – презрительный взгляд практически черных глаз пронзает меня. - Или Николай?

Сглатываю.

Взгляд мечется по гостям, пытаюсь высмотреть мощную фигуру бывшего мужа.

Паника волнами накатывает на меня, заставляя мелко дрожать.

- Я...

В сотый раз собираюсь повторить как мантру фразу, что я не спала с Николаем.

- Владислав Михайлович, не ожидал, - с бокалом пива к нам подходит мой начальник и по совместительству отец именинника.

- Я и не собирался. У меня возникли вопросы по контракту, трубку вы не берете, - лениво отвечает на рукопожатие Влад, не отрывая от меня тяжелого взгляда.

- Сегодня никаких дел. А вы, смотрю, познакомились с куратором вашего проекта? – босс фамильярно обхватывает меня за плечи.

- С куратором? – темная бровь удивленно взлетает вверх.

- Да, - с гордостью в голосе отвечает босс и отпивает из бокала. – Полина Витальевна, одна из лучших моих специалистов. Рекомендую.

Все это уже слишком затянулось.

Делаю шаг в сторону, но рука босса по-прежнему сжимает мое плечо и возвращает на место.

Судорожно вздыхаю.

Черные глаза напротив сужаются, наблюдая за нами. От Влада не укрывается ни мое напряжение, ни наглость Рогова.

- Значит, лучший ваш специалист? – холодно интересуется Влад. – Куратор крупного проекта? Неужели?

Капли пота струятся по спине.

Я бы хотела вскинуть голову и сказать «да». Как только я вырвалась от вашей ненормальной семейки, закончила брошенное из-за Ярослава высшее, и параллельно устроилась на работу к Рогову.

Но я молчу. Пальчики холодеют, а в голове пульсирует только одна мысль: Бежать! Бежать как можно дальше! И плевать на проект, работу и босса. Лишь бы больше никогда не встречаться с Ярославом. Я еще могу пережить презрение Влада, но холодное безразличие некогда самого родного и любимого человека я не вынесу.

Сердце болезненно вжимается в груди. Мне все еще больно даже думать о муже, встречи с ним я просто не переживу.

- Только будьте осторожны, - заговорщицки понижает голос босс.

О, нет! Нет, не надо!

- Альберт Эдуардович... - пытаюсь его отвлечь, но это бесполезно.

- Да? – в черном взгляде Влада разгорается интерес.

- У нее очень ревнивый муж! – выдыхает мой босс и довольный собой хлопает меня по плечу. Тупая свинцовая тяжесть разливается по руке.

Ему уже почти два года эта «шутка» кажется остроумной и «надежной». Он уже давно имеет на меня виды сам и «отпугивает» потенциальных противников.

Не сказать, что это вообще имеет смысл, после своего стремительного и неудачного замужества, желание встречаться с мужчинами у меня отпало. А Сонечка заполнила собой весь мой мир. Но боссу, видимо, так проще жить.

- Даже так? – и снова черный препарирующий взгляд впивается в меня. Скользит по лицу и... о нет! Перетекает на дочь!

Быстро перехватываю Соню спиной к нему.

- Альберт Эдуардович, простите, нам пора! – выскальзываю из его объятий, стоит мужчине ослабить их.

Он кивает, а я выдыхаю со смесью облегчения и напряжения.

- Извините и меня, - преграждает дорогу Влад и кивает моему боссу.

Лицо Альберта Эдуардовича вытягивается, он хлопает глазами и переводит удивленный взгляд с меня на Строкова-старшего и обратно.

- Я бы хотел обговорить спорные моменты лично с куратором проекта, - холодно бросает Влад. И отворачивается от Рогова.

- А ну да, да... - делает понимающее лицо босс и отходит.

- Значит, ревнивый муж и ребенок? – низкий баритон опускается до зловещего шепота. – А Ярик знает об этом?

- О чем?

- Что у тебя новый муж? – черный, разгорающийся злостью взгляд скользит по моему лицу. Что он хочет найти? Страх? Вину? Раскаянье?

Не знаю.

- Ты же сам все прекрасно знаешь, Влад, - поправляю постепенно сползающую дочь и перехватываю руки.

Тяжелый изучающий взгляд останавливается на моей правой ладони. Темные брови взлетают вверх, даже губы удивленно вытягиваются.

Что он мог там увидеть?

Ах, черт! Кольцо!

Я все еще ношу наше с Ясиком... Ярославом обручальное кольцо! В лучах прожекторов крупный бриллиант переливается всеми цветами радуги.

- Прости, нам пора домой, - бросаю буднично. А внутри все трепещет от страха и напряжения. Надо успокоиться или хотя бы казаться спокойной.

И надо же такому случиться, что в этот самый момент, Соня решает посмотреть на дядю.

- Тятя! – резко оборачивается, не давая мне шанса закрыть ее собой и перехватить или увлечь чем-нибудь.

- Дядя, дядя, малыш, идем! – пытаюсь заинтересовать ребенка крупными пластиковыми бусами, но все бесполезно.

Не знаю, что так веселит дочку, но она начинает улыбаться Владу своей обезоруживающей улыбкой.

Влад скользит по ребенку равнодушным взглядом ровно до того момента, пока не замечает ее «фамильную» улыбку.

Пухлые губки складываются бантиком, на круглых щечках прорезаются ямочки, карие глаза лучатся весельем. Все как у истинных Строковых. Даже три абсолютно разные брата улыбаются одинаково. Спутать их улыбку нельзя никогда и ни при каких условиях. Это конец!

Соня, дорогая, что ты натворила!

- Твоя дочь? – зачем-то переспрашивает Влад. – Сколько ей?

- Это не имеет значения, - прижимаю Соню к себе и собираюсь обойти Влада.

- Полина, не усложняй, - он перехватывает меня за руку и притягивает ближе. – Ты не имела права скрывать ее от НАС.

Это «нас» бьет сильнее пощечины. Даже холодный и рассудительный Влад не поверил, что я не спала с Николаем. Что уж говорить о вспыльчивом Ясике.

Вот и теперь он уверен, что Соня - Строкова, но не уверен, чья именно из братьев она дочь! Пиздец!

- Соня – моя дочь! А ВАС в нашей жизни не существует! – дергаю плечом, освобождаюсь от его хватки.

Не прощаюсь с Владом, даже не смотрю на него.

Подхватываю со стула рюкзак и вылетаю на улицу. Прямо перед летней террасой детского кафе парковка.

Дрожащими пальцами пытаюсь найти в рюкзаке ключи. Ну, ну же!

Соне совсем не нравится смена обстановки. Из веселой шумной компании в прохладную июльскую ночь.

- Родная, потерпи, сейчас поедем домой, - одной рукой прижимаю малышку к себе, другой шарю в кармашке рюкзака.

- Есть! – почти кричу в ночь. Вытягиваю непослушные ключи, жму на кнопку сигналки.

Стоящий рядом небольшой седан отзывается мне, щелкают замки.

Распахиваю пассажирскую дверцу, сажаю дочь в автолюльку. Соня рослая девочка, вся в отца...

По возрасту ее еще можно возить в люльке, но по росту пора бы уже заменить ее на детское кресло. Как раз собиралась с зарплатой. Видимо, придется подождать.

Прыгаю за руль, заталкиваю постоянно вылетающую заднюю передачу и жму на газ. Машина с визгом и пробуксовкой рвется назад.

Выкручиваю руль и жму на тормоз, с усилием втыкаю первую. Плавно отпускаю сцепление и жму на газ.

Машина вылетает с парковки на пустынные улицы.

Почти все светофоры уже выключены, тоскливо моргают желтым.

Мне почти везде по главной. Едва сдерживаюсь, чтобы не втопить газ в пол до упора.

Мне все время кажется, что я еду слишком медленно, что за мной несется погоня.

До боли сжимаю руль и постоянно бросаю напряженные взгляды в зеркало заднего вида.

Но улицы по-прежнему пусты.

Только у дома выдыхаю.

Старый хрущевский двор. Паркуюсь прямо на заросшей травой и мусором детской площадке. Рядом с другими машинами.

Глушу мотор. Но выходить не спешу. Соня уснула. Счастливый ребенок! Стоит ей сесть в машину, как сон тут же опускает ей веки.

Малышка моя! Любуюсь ангельским личиком в тусклом свете подъездного фонаря.

Отпускаю руль, и голова тут же падает на ладони.

Боже! Что мне теперь делать?! Что?

Влад не дурак и уже сложил «два и два». Соня – наследница Строковых!

Даже если вся семья считает, что я спала с Николаем, это ничего не меняет. Николай – младший Строков. Веселый, компанейский и абсолютно бестолковый. Как меня угораздило с ним связаться?

С усилием тру виски и глаза. Дура!

Бежать! Мне надо бежать! Это единственный выход.

Думать о том, что будет, когда меня найдет Ярослав, совсем не хочется. Может, не найдет – тоненько пищит робкая надежда.

Не должен! – бью по рулю и отстегиваю ремень безопасности.

- Тише, малыш, тише, - отстегиваю просыпающегося и протестующего ребенка. – Мы уже дома...

Прижимаю ее к себе и убаюкиваю.

Только крика нам сейчас не хватает.

Добираюсь до квартиры, с третьей попытки попадаю ключом в замочную скважину.

Не разуваясь, несусь в комнату.

Укладываю дочь в кровать, не снимая нарядного платья. На это просто нет времени.

Включаю свет в коридоре и вытаскиваю большую дорожную сумку.

В полутьме комнаты закидываю в сумку все, что мне кажется важным. На дно летят документы, Сонины подгузники, новые банки со смесью, паучи с фруктовыми пюре, теплые комбинезоны и летние платья. Я просто выгребаю все подчистую из детского отдела. Очередь за моими вещами. Тут все проще: у меня ни до, ни после Строкова не было много одежды. Только самое необходимое. И из этого всего я запикиваю в сумку только две пары джинсов, пару трусов и футболок. Точно, и старую толстовку надо взять!

Заначки наличкой у меня нет. Сейчас уже везде можно расплатиться картой. Но на всякий случай завтра надо будет найти банкомат.

С трудом застегиваю сумку и вытаскиваю ее в коридор. Сажусь сверху и упираюсь лицом в колени.

Господи, за что? Ведь у меня все только стало получаться. Я получила диплом, нашла нормальную работу, купила квартиру в ипотеку. Пускай это однокомнатная хрущевка в городке с населением меньше сотни тысяч человек. Но мне здесь нравится! Нравилось...

Теперь придется все бросить и сорваться в ночь!

Растираю лицо руками. Пора!

Наклоняюсь над кроватью, чтобы подхватить дочь.

Вместе с трелью дверного замка меня простреливает паника.

Дыхание сбивается.

На негнущихся ногах крадусь в прихожую.

Осторожно подхожу к двери, готовая в любой момент отскочить.

Дверь сотрясают мощные удары.

- Открывай, Полина! – раздается до боли знакомый голос из-за двери. Он так похож на голос Влада.

Сглатываю вязкую слюну. Сердце тревожно бьется в груди.

Растерянно оглядываюсь, словно могу найти выход в однокомнатной хрущевке. Бежать некуда. Выхода нет.

Обреченно выдыхаю и распахиваю дверь.

На пороге скрестив руки на груди стоит мой муж.

Глава 2. Ярослав.

Час. Всего час отделял его от жены. Неверной жены – поправил себя Ярослав. К сожалению, так и не успевшей стать бывшей.

Два года я откладывал то, что надо было сделать уже давно – подать на развод. Теперь придется лично разгребать это дерьмо, раз Николай сбежал.

Перелет не уменьшил злости, которую я сейчас испытывал. Она языками пламени вылизывала грудь, опаляла сердце.

Частный маленький вертолет быстро доставил меня из Курска в небольшой районный центр.

Ни шум лопастей, ни переговоры пилота и диспетчера не могли оторвать меня от размышлений и воспоминаний о стройной смешливой девчонке, что когда-то сводила меня с ума.

Гибкое податливое тело, отзывающееся на каждое прикосновение, ласку. Пухлый ротик, из которого так сладко было пить девичьи стоны.

Боль, разочарование и ненависть вскипают в крови и смешиваются с безумным желанием и похотью. Бурлящим потоком они растекаются по телу. Низ живота наливается свинцом. В паху тяжелеет. Член вздрагивает.

Черт! И упирается в ширинку.

Сжимаю кулаки до боли. Блядь! И так каждый раз, стоит вспомнить о Полине.

Достаю смартфон и запускаю месенджер. На экране вереница фото.

Влад уже неплохо поработал, собрал инфу на скорую руку. Несколько фото из соцсетей коллег Полины. И парочка с сегодняшнего вечера. На них веселая Полина держит на руках или кружит ребенка. Девочку. Черные кудри, вздернутый носик.

Пролистываю их быстро. Не вижу смысла задерживаться на них. Ребенок – Строкова. И я ее не брошу. Но на этом все. Раз мой младший братец не может отвечать за свои поступки, это сделаю я.

Закрываю глаза, и перед внутренним взором снова и снова встает образ Поли с ребенком на руках. Счастливые, веселые, им никто не нужен... никто. А ведь это могла бы быть моя дочка, если бы Полина не потеряла ребенка тогда...

И снова сжимаю кулаки.

И если бы она не спуталась с моим бестолковым братцем, не умеющим держать член в штанах...

Блядь!

Злость, которая всколыхнулась во мне после звонка Влада, вспыхивает с новой силой.

- Господин Строков?

- Да!

- Прилетели, - рапортует пилот.

Всматриваюсь в темноту за огромными сферическими окнами вертолета. Где это мы? Ни огней, ни аэропорта.

Распахиваю дверь и только тут замечаю тусклые огни посадочного поля и ожидающую меня неподалеку машину.

Отлично.

От частного летного поля до гостиницы, где остановился Влад двадцать минут. Что это вообще за город, где все настолько близко?

Обычная гостиница эконом класса.

Влетаю в номер Влада, бросаю сумку на пол.

- С прилетом, - Брат крепко жмет мою ладонь и похлопывает по плечу.

- Что узнал?

- Немного. Егорова Полина – специалист-логистик в конторе Рогова, - Влад делает паузу.
- Егорова? – хмурюсь. Девичья фамилия Поли была Иванцова.
- Ага, - кивает брат. – Замужем. Все знают, что у нее очень ревнивый муж, работает где-то не то вахтами, не то...

Влад разводит руки в стороны. Ясно, инфы нет.

Закрываю глаза и втягиваю воздух. Еще и «замужем». Отлично! Просто прекрасно! Это уже попаивает мошенничеством - выйти замуж, не разводясь.

- Но его никто никогда не видел, - заканчивает брат.

- Даже так? А документы?

- Все в порядке и на фамилию «Егорова». Квартира, - он бросает мне документы, - в ипотеку на Полину. Старая лачетти седан – на Полину.

- А ребенок?

- Не знаю, - брат скрывает свои эмоции под маской невозмутимости. – Мне никто не показывал ее свидетельства о рождении.

- Старая машина, старая квартира, да еще и в ипотеку? Куда она дела все деньги? – перебираю бумаги, перепроверяю цены.

Машина стоила сто восемьдесят тысяч. Что? Такие цены на машины вообще бывают? И на нее Полина брала кредит на пол года!

Квартира восемьсот тысяч рублей! Господи, это вообще, что за цены? И Полина взяла ее в ипотеку. Да с деньгами, с которыми она сбежала, моя бывшая могла полгорода этого скупить!

Брат молчит. Ждет.

- Мне что-то еще следует знать?

- Только то, что Полина очень испугалась. И сбежала с вечера.

Вопросительно вскидываю бровь. Даже так?

- Я отправил ребят за ней приглядеть.

- Думаешь, она сорвется на ночь глядя с ребенком? – сомневаюсь.

- Ты просто ее не видел, - брат садится в кресло и наливает в два бокала дешевый виски.
– Держи.

- Нет, я хочу поговорить с ней на трезвую голову, – поднимаюсь и разворачиваюсь к двери. – Иначе прибью дрянь.

- Я знал, что ты не будешь ждать до утра. Машина ждет внизу. Водитель знает, куда ехать. Я так понимаю, что твоим заселением мне стоит заняться лично?

Киваю ему через плечо.

- Ярик, - голос брата останавливает меня в дверях. Нетерпеливо передергиваю плечами.

– Не забывай, что девочка - Строкова.

- Только об этом и думаю, Влад, - бросаю и выхожу.

Только об этом и думаю.

Глава 3

Прямо в дверном проеме застывает мощная фигура. Широкие плечи обтянуты белоснежной рубашкой, узкая талия очерчена широким кожаным ремнем с большой пряжкой, черные брюки подчеркивают упругие крепкие бедра...

О боже...

Сердце болезненно сжимается в груди. Страх острыми когтями впивается во внутренности и выкручивает их.

Но самое странное и просто невероятное то, что одновременно с этим мое воображение подкидывает мне картинки из прошлого. Я все еще помню, как выглядит мой муж без этой строгой рубашки. Помню, насколько сильные и умелые у него руки.

Поднимаю руку и хватаюсь за горло, словно мне не хватает воздуха.

Сглатываю вязкую слюну.

- Не пригласишь меня войти? – его спокойный тон не может меня обмануть. Карий взгляд прожигает меня насквозь. Кожа моментально вспыхивает.

Ярослав в ярости. Он едва сдерживается.

- Прости, я не жду гостей, - пытаюсь захлопнуть дверь.

Но крепкая мужская рука и нога в дорогом ботинке не дают это сделать.

Что ж это было глупо, надеяться, что он вот так просто уйдет.

- Нам. Надо. Поговорить, - вот так просто чеканит он каждое слово. Распахивает дверь и заходит в мою квартиру.

В мой оплот спокойствия и благополучия. Островок тихого семейного счастья.

Бывшие, - мерзко пищит внутренней голос. Больше здесь прятаться не выйдет.

- Значит, теперь ты решил поговорить? – неожиданно внутри вспыхивает злость. – Не поздно?

- Самое время, - Ярослав захлопывает дверь и застывает в маленькой прихожей.

Его мощная фигура занимает собой все пространство. Раньше я бы улыбнулась. Теперь это выглядит жутко.

Бывший муж переводит оценивающий взгляд с меня на обои, узкий шкаф, обувницу, корзину с уличными игрушками, маленький коридор в темную кухню и выбирает все-таки вход в зал.

Делает шаг.

- Нет, - преграждаю ему путь. – Там спит Соня.

Он вскидывает темные брови не то удивленно, не то вопросительно.

- На кухню, - команду и сама иду вперед. Разговора не избежать.

Щелкает выключатель. Часы на микроволновке показывают половину двенадцатого ночи.

Включаю конфорку и ставлю чайник – ночка обещает быть длинной.

- Куда ты дела мои деньги? – ударяет в спину ледяной тон.

Оборачиваюсь.

Ярослав стоит в дверном проходе. Ему приходится наклонить голову, чтобы не задеть край арки.

Его руки сложены на груди. Закатанные рукава открывают вид на смуглую кожу и неприлично дорогие часы.

Весь его облик кричит о богатстве и власти.

А моя маленькая кухонька в старом доме...

Недорогие свежие обои. Реанимированная и отмытая кухня, оставшаяся от бывших хозяев. Жужжащая, как турбина самолета вытяжка.

Как же эта квартира не похожа на все то, к чему Ярослав привык с детства.

- Я... - не знаю, что я могу ответить на этот вопрос.

Щеки вспыхивают, и сердце начинает беспорядочно биться в груди. Чертовы деньги!

- Ты проиграла их? – делает шаг ко мне Ярослав. – Прогуляла?

Еще шаг и я сглатываю. Он находится на расстоянии вытянутой руки. Совсем близко. От мужчины волнами исходит напряжение и злость. Словно все, что между нами было, все непонимание, взаимные упреки и обиды, страсть - все происходит прямо сейчас. И последних двух лет разлуки не существовало.

- Отдала их Николаю? – последний шаг.

И между нами больше нет ничего. Ни сантиметра расстояния, ни грамма свободного кислорода. Тяжело вздымающаяся мужская грудь касается моей груди. Через тонкую ткань футболки чувствую жар его тела.

Напряжение разливается в воздухе, потрескивает и искрит.

- Нет! – вскрикиваю и ударяю кулачками по его широкой груди.

С трудом подавляю стон. Кожу опалает огнем, по нервам от самых ладоней сквозь все тело пробивает электрическим импульсом. Вздрагиваю.

- Не играй со мной, Полина, - огромная ладонь сгребает мои руки и рывком притягивает меня.

Вторая ладонь слишком быстро, по-хозяйски обвивает мою талию, прижимает к мускулистому телу.

Мурашки пробегают вдоль спины. Меня обдаёт жаром и желанием. Моментально, словно не было этих лет. Кровь просто вспыхивает и опалает мое тело. Низ живота томительно сжимается и наполняется расплавленной похотью.

Запрокидываю голову и тону в раскаленном золоте его глаз. Каряя радужка вспыхивает, искрится желанием, затягивает меня в водоворот его эмоций и страстей.

Ярослав наклоняется ниже.

Кожу касается его горячее дыхание. Судорожно вздыхаю. Глубоко в легкие проникает его запах. Терпкий, древесный с капелькой верескового меда и янтарного солнца.

Он нисколько не изменился. И все так же заставляет мое тело плавиться и желать его.

Сил сопротивляться нет.

Мои руки в его руках обмякают, опускаются, скользят по его плечу.

Пухлые чувственные губы замирают прямо передо мной.

Облизываюсь уже практически ощутив их пряный вкус на своих губах.

- Нет смысла притворяться и врать, - выдыхает Ярослав мне в губы. – Пойми, так будет лучше для тебя и твоего нового мужа...

Меня словно ушатом ледяной воды обдаёт. Нервы натягиваются и звенят.

Вот дура! – кричит внутренний голос. – Потекла, поплавилась, идиотка. Чуть сама на него не запрыгнула! Соберись!

- У меня только один муж, Ясик... - рычу и тут же закусываю губу.

Как я могла назвать его ТАК?

- Другого у меня ПОКА нет.

- Да? – его глаза вспыхивают. На губах играет лукавая улыбка.

Он не верит мне. Впрочем, как и раньше.

- Откуда же тогда взялась госпожа «Егорова»?

Рывком выдергиваю свои руки из его ладони и упираюсь ему в грудь.

- Уже навел справки? – шиплю ядовито.

- Это было несложно, - он усмехается.

Конечно, пока он неся сюда на всех порах своего праведного гнева, Влад сделал все за него. Впрочем, как всегда. Старший брат заботится о младших.

- Егорова – девичья фамилия моей матери. Я просто взяла фамилию бабушки. Строкова мне не идет, - вливаюсь в него злым взглядом. – И НИКОГДА не шла.

- Отлично, - выдыхает Ярослав. – Значит, мы быстро решим все наши дела. Я хочу развода.

Сердце замирает в груди. А когда начинает биться, мне стоит огромных трудов сдержать крик.

Каждый удар, каждое его сокращение причиняют мне боль.

Два года я мечтала забыть о своем неудачном замужестве. Два года я мечтала набраться храбрости и развестись.

И вот теперь, когда моя «мечта» может осуществиться, радости я не испытываю.

«Я хочу развода». Всего три слова. Но сколько боли они мне приносят.

- Собираешься снова жениться? – вскидываю голову.

- Это имеет какое-то для тебя значение?

- Кто она? Я ее знаю? - не слышу его или только делаю вид. – Анастасия Григорян? Вячеслава Полеская? Алеска!

Внутри все вспыхивает от «догадки». Алекса – дочь старых друзей семейства Строковых и бывшая любовница Ярослава.

О, ни дня в столичном доме Строковых не проходило без упоминания Алексы. Ее прическа, маникюр, стиль, воспитание, образование, родословная, как у племенной кобылы... Ни на секунду свекровь не давала мне забыть о том, что я всего лишь жалкое недоразумение в жизни ее сына. Временная замена или способ вызвать ревность у Алексы. Только так она объясняла нашу свадьбу с Ясиком...

Сердце в очередной раз болезненно сжимается от старых воспоминаний. Поднимаю ладонь и растираю грудь, словно это может помочь.

- Конечно, кто же еще! – это даже не вопрос, потому что я и так знаю ответ. – Она грела твою кровать до меня, во время и после...

- Хватит! – взгляд карих глаз становится не просто злым. Он вспыхивает яростью, болью старых обид и безумием. – Я? Ты меня обвиняешь в изменах?

- А резвее нет? С первого дня, с первой ночи, что мы переехали в твой дом, тебя не было рядом. Ты все время был занят.

Упираю палец в широкую мужскую грудь. И снова вздрагиваю от электрического разряда.

- Я работал и зарабатывал деньги, что ты умудрилась потратить практически не выходя из моего дома! Немаленькие, между прочим, деньги!

Сейчас мы замираем в небольшой шестиметровой кухне друг напротив друга. Когда-то самые родные, а теперь бесконечно далекие и обиженные. Не хотим слышать друг друга, выливая старые и новые обиды.

Внутри меня все дрожит. Голос срывается.

- А еще успевал посещать званые ужины и благотворительные вечера. С Алексой! – кричу и тут же зажимаю рот рукой.

Соня! Я так разошлась, разъярилась, что совсем забыла про дочь, что мирно спит в соседней комнате.

Определенно, Ярослав влияет на меня совсем не так, как мне того бы хотелось.

Сколько бы я себя не убеждала, но он все еще имеет надо мной власть. Легко может вывести из себя или разжечь желание.

- Значит, ты винишь Алеску? – глаза Ярослава сужаются. Голос понижается и скребет по моим натянутым до предела нервам.

Киваю.

- А Николай?

Тупая боль разливается в груди.

- Не начинай, - устало прикрываю глаза.
- Не начинать? Мне? Ты сама начала все это. Два года назад. Когда спуталась с моим непутевым братом!
- Я не спала с Николаем!
- Брось, Полина! – темные глаза вспыхивают недобрым огнем. – Хватит! Перестань уже врать!
- Я никогда не врала тебе! – осекаюсь.
- Вот видишь! – на красивом суровом лице играет превосходство. – После скандала вы сразу же сбежали вместе. А теперь ты пытаешься меня убедить, что между вами ничего не было.
- Вместе? – я удивленно распахиваю глаза.
- Вместе, Полина. Вместе. Ты и Николай. Просто взяли и уехали из столицы. А я еще полгода оплачивал твои счета и бился с твоими кредиторами.
- Нет! Не может быть. Это все какая-то ерунда. Он не мог так со мной поступить!
- Ты два года не видел брата? – растираю лоб. Пытаясь собрать осколки воедино.
- Нет. Он явился через пару месяцев после вашего побега...
- И?
- И просил денег. Сказал, что не хватает на жизнь.
- Выдыхаю с облегчением.
- Ты спрашивал у него, где он был?
- Зачем? – хищный взгляд останавливается на мне. – Думаешь, я мазохист? Все и так было предельно ясно.
- Не ясно! Я не спала с твоим братом и не сбежала с ним!
- Хватит! – резко обрывает меня Ярослав.
- Замолкаю.
- Он признался, что вы были любовниками, - жестокий яд его слов убивает меня.
- Я думала, что уже испытала всю боль, которую только могла. Оказывается, есть еще боль от предательства человека, которого я считала своим другом.
- Он так и сказал? – падаю на табуретку и подтягиваю ноги к груди.
- Ярослав молчит, нависает надо мной огромным ангелом мщения.
- Нет, - наконец, нарушает он тишину. – Не сказал.
- Тогда...
- Но он ничего не отрицал. Не опроверг ни одного обвинения.
- Что это за жуткий треск?
- Это разверзается подо мной земля. Я думала мне некуда дальше падать. Оказалось, что это было не самое дно моего несчастливой брака.
- То есть ты веришь ему, а не мне?
- Конечно! Мой брат при всех его недостатках никогда меня не обманывал. В отличие от тебя.
- Щеки вспыхивают.
- Он полностью признал свою вину, взял деньги и ушел.
- Я ничего не понимаю... - качаю головой.
- Резинка сползает, тяжелые длинные локоны рассыпаются по плечам.
- Чего ты не понимаешь, Полина? Как он мог взять деньги и не поделиться? Я так понимаю, что с ребенком он не видится, не помогает ни деньгами, ни с воспитанием? В этом весь Николай, - выдыхает снисходительно Ярослав.
- Знаешь, чего не понимаю я? – продолжает муж.
- Лишь неопределенно киваю головой.
- Чего тебе не хватало?

Непонимающе смотрю на него.

- Зачем? Почему? Тебе захотелось ярких ощущений?

- Я не...

Он не дает сказать.

- Каково это трахаться с одним братом, а потом тут же в этой же постели, на тех же простынях трахаться с другим? – муж нависает надо мной. Его бархатистый баритон звенит от ярости. – Ты когда-нибудь думала, как я чувствую себя? Каково было мне представлять свою жену в объятиях другого?

Он наклоняется, впивается в мои плечи и сдергивает меня со стула.

Встряхивает словно тряпичную куклу.

- Не молчи, Полин! – рычит зло. – Скажи что-нибудь.

- Соня – не дочь Николая.

- Отлично, - фыркает муж. – Еще одна ложь.

- Это не ложь. Соня – твоя дочь, нравиться тебе это или нет!

- Полина, - Ярослав в очередной раз встряхивает меня.

От его прикосновений по телу идет дрожь попеременно с опаляющей волной тепла. Кожа вспыхивает, зудит, плавится. Сердце начинает биться чаще.

- Полина, хватит. Давай закончим все цивилизованно, - он отпускает меня и отходит. – Я два года жил с мыслью о твоём предательстве.

Перевожу дыхание.

Его голос звучит глухо, устало. Плечи опускаются, словно он действительно устал от всего этого.

- Я...

- Ты обокрала мою семью.

- Формально я взяла то, что было и моим тоже. Ты сам дал мне карточку...

- Дал, - соглашается он. - Но ты взяла слишком много. Это не могло пройти незаметно.

О чем ты думала?

В тот момент я не думала. Мне нужны были эти деньги. Я действительно не думала, что все так обернется. Одна маленькая ложь в самом начале знакомства с Ярославом потянула за собой ложь побольше и под конец нашего скоропалительного брака я утонула в своем вранье.

Но я не хотела. Действительно не хотела. Просто потом я боялась сказать правду. А сейчас это не имеет значения.

- Тебе нечего сказать, - он усмехается. – Я так и думал. Завтра тебе передадут документы на развод. По поводу вашей дочери...

Страх отступает. Разгоряченная кровь проносится по венам, бьет по мозгам. В сердце вспыхивает обида и злость.

- Нашей дочери, - перебиваю его.

- Полин...

Не слушаю мужа, бросаюсь в коридор, двумя руками вцепляюсь в дорожную сумку, распакиваю ее и шарю между вещами. Они должны быть где-то здесь. Кровь бешеным ураганом бежит по венам. Пульс отдается в висках.

Есть!

Вытягиваю пластиковую папку с документами.

Подскакиваю, разворачиваюсь на месте и влетаю в мощное тело.

Ярослав все это время стоял прямо за моей спиной.

Теряю равновесие и падаю.

Мощные руки перехватывают меня раньше и впечатывают в напряженное тело.

Не успеваю ничего понять, только чувствую, как под ладонями натужно бьется огромное сердце и тяжело вздымается мужская грудь.

Глубоко вдыхаю такой манящий аромат. Волоски на теле приподнимаются. Низ живота отдается сладостным спазмом.

- Вот, - выдыхаю зло и впечатываю мужу в грудь папку.

- Что это? – он вопросительно изгибает бровь.

- Свидетельство о рождении Сони, - выбираюсь из его объятий. Демонстративно одергиваю кофту и откидываю за спину волосы.

- Зачем это?

- А ты просто посмотри, - настаиваю я.

С выражением крайнего недовольства Ярослав раскрывает папку и достает свидетельство.

Внимательно слежу за сменой выражения на его лице.

О, как быстро оно меняется.

Из скучающего становится внимательным, заинтересованным, а после предельно удивленным.

Ага!

- Этого не может быть!

- Почему же? – фыркаю. – Наша дочь родилась через полгода после того, как я от тебя ушла.

- Полина, не неси чушь, - и снова карие глаза вспыхивают. На этот раз с самого дна души поднимается боль и разочарование. И конечно, злость.

- Это не чушь, это правда! – выхватываю из его рук свидетельство и размахиваю прямо перед его лицом.

- У тебя был выкидыш, - Ярослав складывает руки на груди. Усилием воли, он возвращает себе спокойствие.

- Был, - едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься. – Погиб второй ребенок. У нас должна была быть двойня.

- Почему врач мне не сообщил?

- Потому что твоему врачу было насрать на меня, - вот теперь из моих глаз брызгают слезы. – Меня оставили лежать на кушетке в приемной. Там, где ты меня оставил. Знаешь, через сколько ко мне подошли?

Он молчит и ждет.

- Через два часа. Даже если малыша и можно было спасти, время было упущено.

- И поэтому ты сбежала из клиники? – говорит он с недоверием.

- Нет, что ты! – добавляю с сарказмом. – Потом меня перевели в палату-люкс. С телевизором. Заботливая медсестра включила мне светские новости. И знаешь, что я там увидела? А? Лицо Ярослава спокойно, вот только карие глаза недобро вспыхивают.

- Лежа на больничной койке в окровавленном платье, я увидела, как ты перерезаешь красную ленточку какого-то блядского клуба, а потом пьешь виски вместе с Алексой! А репортер щебетал об воссоединении самой красивой пары столицы.

- Не передергивай, - его голос звучит глухо.

- Я не знаю, что тебе напели врачи этого «чудесного» центра, но было все именно так! У меня не взяли ни одного анализа. Мне не сделали УЗИ. В противном случае эти шикарные и без сомнения дорогие специалисты заметили бы второй плод. Меня даже не переодели! И тебе кажется, что я настолько больная, чтобы все это придумать? Скажи, Ярослав?

Я опять увлекаюсь. Эмоции заполняют меня. Старая обида, горечь разочарования и боль потери накрывают меня, и я опять кричу.

Из комнаты доносится ворчание и крик дочери. А потом плач.

- Вот черт! – бросаюсь к ней.

В полумраке подбегаю к кроватке и стараюсь укачать дочь. Но время упущено. Теперь она просто так не успокоится. Нарядное кружевное платье не добавляет Соне спокойствия. Ручки путаются в воланах. Она нервничает.

- Иди сюда, моя хорошая, - достаю свою крошку из кроватки.

Сердце заполняет нежность и любовь. Все тревоги и переживания отступают на второй план.

Она со мной, моя радость.

- Тише, тише, прижимаю дочь к себе. – Сейчас все пройдет. Сейчас...

Убаюкиваю ее, делаю пару шагов к шкафу. Осторожно открываю дверцу в поисках пижамки.

Вот черт! Я же все выгребла в сумку.

Делаю шаг к двери, но дорогу мне преграждает муж.

На фоне светлого дверного проема он возвышается темной величественной статуей.

- Отойди, - шиплю зло.

- Что ты собираешься делать? – он сторониться и наблюдает, как я безуспешно пытаюсь одновременно и укачать капризничающую Соню и наклониться за пижамой. Которую еще предстоит найти!

- Мне нужна детская пижама. Все хорошо, родная. Тише!

Соня категорически отказывается успокаиваться, хватая меня ручками, жметя к груди.

Ярослав наклоняется к сумке.

- Эта? – он достает детский спортивный костюм.

- Нет, - закатываю глаза. – Легкая детская пижама с забавными бегемотиками.

Мужчина хмыкает и достает нужную вещь.

Быстро переодеваю Соню в пижамку. Ребенок моментально успокаивается. Нарядное платье с синтетическими вставками и жесткими кружевами расстроило дочь.

Перекладываю ее обратно в кроватку и выхожу из комнаты, прикрыв за собой дверь.

- Это ничего не меняет, - встречает меня тихий шепот. – То, что ты сбежала из Москвы беременная, не делает меня отцом ребенка.

Глава 4

- Не веришь мне - сделай тест, - отсекаю жестко.
- Обязательно, - предельно четко говорит Ярослав.
- Вот и чудесно, - выдыхаю. – Думаю, на сегодня с меня хватит разговоров.
Недвусмысленно указываю мужу на дверь.

Темно-карие глаза вспыхивают. Огромные кулаки сжимаются. Ярослав делает шаг ко мне.

Делаю судорожный вдох.

- Полина, - его голос разрезает тишину. – Не думай, что сможешь убежать.

Смотрю на него с удивлением.

Ярослав красноречиво кивает на сумку, что распахнула свою пасть.

- За тобой будут приглядывать.

Сглатываю вязкую слюну и закрываю глаза.

Вчера он ушел, не сказав ничего определенного. Смутная тревога ворочается в груди, занимает все мысли. Работать не могу абсолютно.

«Не веришь мне - сделай тест» - как я могла такое сказать?

КАК? Не верит и флаг ему в ж***. Зачем я вообще начала ему доказывать, что Соня его дочь?

Господи! Закрываю лицо ладонями.

Это паника и адреналин смешались воедино. Иначе я бы никогда ему этого не сказала!

Как все хорошо было эти два года.

Я нашла тихий-спокойный город. Город, не тронутый корпорацией Строковых. Я проверяла. И в радиусе трехсот километров нет ни офиса, ни представительства.

Рай на земле.

Я сменила фамилию на девичью фамилию мамы. Переоформила все документы.

Я сдала выпускные экзамены бакалавриата. Я поступила в магистратуру. Я нашла работу.

Я выносила и родила Соничку!

Я сдала на права, купила машину и квартиру! Я все это сделала сама! Собиралась и дальше жить своими силами!

Даже моя постыдная тайна из прошлого перестала меня беспокоить!

Зачем я сказала Ярославу, что Соня его дочь?

Возможно, если бы они с Владом продолжали думать, что Соня дочь Николая....

Нет! Встряхиваю головой. Теперь правда все равно бы всплыла наружу.

Строковы не те люди, кто верит на слово. Влад в любом случае заказал бы экспертизу. И вот тогда...

Холодок пробегает по коже.

Тогда бы Ярослав точно прибил меня, узнав, что Соня его дочь.

Вспоминаю мужа. Ледяное спокойствие, холодный взгляд и взрывной характер. Дрожь проходит по телу, а низ живота вспыхивает и сжимается.

Не представляю, как все это может быть смешанно в одном человеке. Знаю только, что больше не хочу испытывать на себе ярость Ярослава.

Правда уже вскрылась. И за мной действительно «приглядывают» – сбежать больше не получится. А раз так, то у меня просто нет выхода. Я попалась!

Выключаю компьютер и закидываю телефон в сумку.

За невысокой перегородкой раздаются смех и шорохи. Девчонки тоже собираются.

Рабочий день закончен.

От Строковых со вчерашнего вечера вестей нет. Вот и хорошо.

Смотрю на часы. Пять.

Напряжение понемногу отпускает.

Сейчас заберу дочь, и пойдем гулять на площадке.

Где-то хлопает дверь. Следом раздаются дружные женские вздохи и придыхание.

А у меня мороз проходится по коже. Вдоль позвоночника пробегают мурашки.

Это не к добру.

- Вам помочь? – томно выдыхает Анжела.

- Мне нужна Полина... Егорова, - до боли знакомый голос заставляет вздрогнуть.

Нет! Что ему здесь нужно?

В ответ на его слова раздается разочарованный выдох.

- Полин! - кричит Анжела. – К тебе пришли.

- Что ты здесь забыл? – выныриваю из-за перегородки прямо за спиной Анжелы.

Ярослав приподнимает бровь в немом вопросе. Высокий представительный. Он выглядит безупречно в темном костюме и белоснежной рубашке.

На нас устремляются удивленные взгляды десятка бухгалтеров, инженеров и секретарей нашей конторы.

- Полина! – где-то совсем рядом кричит босс.

Не офис, а базар какой-то.

Вот только раньше я совсем не обращала на это внимания. А теперь. Теперь мне хочется провалиться сквозь землю.

- Да, Альберт Эдуардович, - отвечаю боссу, а сама не сжову недовольного взгляда с мужа.

- Полина, - из своего кабинета выходит Рогов и замирает.

Оглядывает пускающих слюни на Строкова дамочек, удивленно изучает Ярослава, а после долго и вопросительно смотрит на меня.

Не дождавшись ответа, Рогов подходит к нам.

- Полина, через пять минут жду тебя у машины.

Очередной ежедневный «ритуал». Вот уже почти два года каждый вечер Альберт Эдуардович предлагает подвезти меня до дома. Когда просто предлагает, когда «ставит перед фактом». И неизменно получает отказ.

- Чем могу помочь? – босс обращается к Строкову холодно и неприязненно.

Мужчины замирают друг напротив друга воинственными изваяниями. В карих глазах Ярослава вспыхивает вызов.

- Можете, - наконец выдыхает мой муж. – Я хотел ознакомиться с обновленным проектом по заказу «Индастриалс Мен».

- Владислав Михайлович не говорил...

- Мой брат, наверное, был занят, - отрезает Ярослав.

Альберт Эдуардович давится словами. Переводит безумный взгляд с Ярослава на меня и обратно. Его лицо моментально превращается в глуповатую маску с бешено вращающимися глазами.

Я лишь пожимаю плечами. Обновленный проект я отправила на е-мэйл заказчика еще несколько часов назад. Правок было немного.

- О, господин Строков, - бросается вперед с вытянутой рукой Рогов. - Приятно познакомиться.

По лицу Ярослава пробегают судорога. Он сухо пожимает руку моего начальника.

- Владислав сказал, что проектом занимается Полина Витальевна.

- Измененный проект я отправила...

- Я видел, - почти вежливо перебивает меня муж. – Хотел обсудить некоторые моменты.

- Прости, мой рабочий день закончен, - демонстративно подхватываю сумочку и закидываю ее на плечо.

- Я подвезу тебя, в дороге мы сможем все обсудить.

- А...

- Много времени это не займет, - Строков подхватывает меня под руку и укладывает мою ладонь на сгиб своего локтя. Его тон не терпит возражений. Этот мужчина уже все решил.

Впрочем, как всегда.

Его ладонь ложится поверх моей. Кожа в этом месте вспыхивает, горит огнем. По нервам электрическим током разбегаются импульсы.

- Должен предупредить, - Альберт Эдуардович садиться на своего «конька». – У Полины очень ревнивый муж.

О нет! Только не это. Я уже почти готова уйти с Ярославом, лишь бы избежать этой сцены.

- Я в курсе, - спокойно выдает Ярослав. – Я и есть муж Полины.

Лица всех моих коллег с боссом во главе вытягиваются. Рты раскрываются.

- Да? Вы? А я...

- А вы только что пытались соблазнить ее у меня на глазах, - карие глаза недобро сверкают. В бархатистом баритоне звучат стальные нотки. – А этого я еще никому не позволял.

Лицо Рогова вытягивается. Хитрый взгляд превращается в удивленный и растерянный.

Девочки давятся воздухом. Даже шушукаться забывают.

- Всего хорошего, Альберт Эдуардович, девочки, до завтра, - киваю всем и практически утягиваю «мужа» из офиса.

- Что ты себе позволяешь? – скидываю ладонь мужа, стоит нам выйти за порог офиса.

- Я? Ничего особенного, - его голос становится жестче. Ладонь сползает сама, больше не удерживая меня.

Выдергиваю руку и отпрыгиваю в сторону.

- Да кто ты такой, чтобы вот так просто врываться в мою квартиру, на мою работу? Рушить все, что я построила? Говорить гадости?

- Что же такого я сказал? – его взгляд темнеет, на щеках ходят желваки. – Что ты моя жена? Так это правда!

- Чисто формально и ненадолго! – отвечаю резко и стягиваю с плеча сумочку. Надо найти ключи от машины.

- Ты так думаешь? – Ярослав перехватывает меня за плечи, дергает и прижимает к полированной дверце своего автомобиля. – Думаешь, все так просто?

Его лицо наклоняется ко мне, дыхание опалает. В темно-карих глазах вспыхивают искры ярости и раздражения, а на самом дне опасной лавиной поднимается страсть.

Загипнотизировано замираю. Не могу пошевелиться, не могу ничего сказать. От его прикосновений вспыхивает все тело, плавится, пульсирует.

- Думаешь, сказала, что ребенок мой, а потом вильнула хвостом и все, я испарюсь? Да? – он наклоняется ниже, его губы скользят по моей скуле, едва касаются.

Дыхание сбивается. Едва могу удержать стон.

Сердце маленькой пташкой бьется в груди.

- Глупая, маленькая Полина, - его губы касаются моих. – Я так просто не уйду, не дам тебе наслаждаться своей мнимой свободой.

Его пальцы до боли впиваются в мои плечи.

Губы жадно и грубо накрывают мои. Он не целует, он терзает меня, с наслаждением пьет мои стоны.

Во мне что-то взрывается. Рушится стена холодной отчужденности, что я все эти годы возводила.

Грудь словно кипятком обдаёт, обжигающая волна проносится по телу, плавит низ живота. Остро, до боли пробуждает дремавшее желание.

Этого не может быть, не должно! Два года я не испытывала влечения к мужчинам.

А сейчас... Это что-то невыносимое. Острое, болезненное, необходимое как воздух.

Хочется прижаться ближе, закинуть ногу на мужское бедро и умолять заполнить меня до предела. Только так, иначе я не знаю, как еще унять этот выжигающий меня изнутри пожар желания.

Мысли путаются.

Ярослав не останавливается ни на секунду. Его ладони грубо мнут мои плечи, скользят вниз, перехватывают талию, сжимаю ее.

Язык настойчиво раздвигает мои губы, проникает внутрь.

Мелкая дрожь перерастает в озноб. Тело горит и плавится, но мне этого мало. Просто физически мало.

Хватаю ртом воздух.

Его язык настойчиво врывается внутрь, проходится по нёбу, едва касается моего языка. Он пропихивается все глубже и глубже мне в глотку.

Я задыхаюсь от его напора. Хватаюсь руками за крепкие мужские плечи. Под пальцами ощущаю, как напрягаются стальные мышцы.

Несмело отвечаю на его поцелуй. Ловлю губами его язык. Целую уголки губ.

Напряжение внутри нарастает. Сжимаю ладошки, сминаю его дорогую рубашку.

Ярослав прижимает меня к себе с такой силой, что я практически каждой клеточкой, каждым сантиметром кожи чувствую жар его желания.

Сквозь тонкую ткань своего платья и дорогую ткань его брюк отчетливо чувствую его напряжение и желание. Упругий вздыбленный член упирается мне в живот, выдает желание своего хозяина.

Обжигающе горячие ладони скользят по моим ягодицам, обхватывают полушария и прижимают к себе. Вжимают меня в мужские бедра так сильно, словно он хочет слиться со мной прямо на стоянке, не снимая одежды.

От осознания этого влагище сжимается, обжигающе-горячее желание сочится на трусики, моментально делая их мокрыми.

С моих губ срывается сладострастный стон.

- Что и требовалось доказать, - хрипит Ярослав, отстраняя меня от себя.

Затуманенными страстью глаза смотрю на него и не могу понять, что происходит.

Во взгляде Ярослава горит необузданное желание попеременно с лихорадочным блеском и толикой лукавства.

- Как ты сказала: формально и ненадолго? – усмехается он, поправляя съехавшую с моего плеча бретельку платья. – Кажется, ты слишком рада моему возвращению для независимой маленькой Поли, а? Или мы продолжим демонстрацию?

- Скотина! – шиплю я и заношу руку.

Не успеваю еще до конца понять, что произошло, но уже собираюсь вклепить бывшему пощечину.

Дикая, пожирающая меня изнутри страсть моментально превращается в пепел. Черным обжигающим ветром внутри вздымается злость.

Ярослав перехватывает мою руку и сжимает запястье.

- Не трать силы, дорогая, они тебе еще пригодятся.

- Иди к черту! – шиплю зло и дергаю руку.

Он выпускает мое запястье.

- Садись, - командует и открывает передо мной дверцу своей без сомнения дорогой машины.

Откуда в нашем городе он взял такую тачку? Не из Москвы же он на ней приехал?

- Ты не слышал? Иди к черту! – повторяю медленно и по слогам.

- Полина, Полина, где твои манеры?

- Возможно, остались лежать в вип-палате той сраной клиники, где ты меня бросил...

- Садись, - он наклоняется ближе. Кожей чувствую его напряжение.

- Я с тобой никуда не поеду! Никогда!

- Или ты сядешь и поедешь со мной или я один заберу ребенка и поеду делать ДНК-тест, выбирай! – карие глаза вспыхивают решимостью.

О, я узнаю этот взгляд! И это нехорошо!

- Ты не посмеешь!

- Еще как посмею! Ты сказала, что эта девочка моя! Вот и проверим!

- Ты не посмеешь, - выдыхаю уже не так уверено.

- Полина, в Курске нас жду в одной из лучших клиник. Вчера ты так упрямо твердила, что эта девочка моя...

- Соня.

- Что?

- Эту девочку, твою дочь, зовут Соня, - выдыхаю зло и настойчиво. Бросаю раздраженный взгляд на своих коллег, шумной толпой выскочивших из офиса и застывших у входа.

Любопытные и завистливые взгляды облизывают нас. На ближайший месяц в офисе есть тема для сплетен. И эта тема – мы с Ясиком. Чудесно!

Ярослав молчит несколько мгновений, словно размышляет.

- Ты сказала, что Соня – моя дочь, - наконец называет ребенка по имени. – А теперь не хочешь ехать? Ты серьезно?

Молчу.

- Или тебе нужен визит адвоката? Или решение суда? Скажи мне, Полина, чего ты этим добиваешься? Ты же понимаешь, что нам все равно придется сдавать этот тест. И чем раньше у нас будут результаты, тем...

- Хорошо, - сдаюсь и стараюсь быстрее оборвать его речь. Я совсем не хочу думать о том, что будет потом, после результатов теста. – Но мы поедem на моей машине.

Дрожащими пальцами пытаюсь нашарить ключи в сумке.

- На твоей? – муж вскидывает темную бровь. – Думаешь, я помещусь на заднем сиденье?

Он красноречиво кивает на мою «ласточку». На пассажирском сиденье красуется автолюлька.

- Нет, - выдыхаю с затаенным ликованием. – Мы с Соней поедem на моей, а ты поедешь на своей. Говори адрес...

Я уже нащупала ключи на самом дне сумки, как тут же теряю их. Мягкий почти искренний смех заставляет стайку волнительных мурашек прокатиться по моему телу.

- Смешно.

- Не вижу ничего смешного, - раздраженно обрываю его смех.

- Полина, - Ярослав делает шаг ко мне.

Мысли о том, что произошло всего несколько минут назад, заставляют быстро и тревожно забиться сердце.

- Во-первых, я не дам тебе возможности сбежать по дороге.

Выдыхаю зло и раздраженно. Да за кого...

Хотя мысль о побеге и мелькала в моей голове, но я отмела ее сразу или почти сразу. Больше мне в жизни так не повезет – спрятаться от всемогущих Строковых на целых два года! К тому же Ярослав знает мою машину, ее номер, меня остановят, не успею я потеряться из его зеркала заднего вида.

- Во-вторых, нам есть, что обсудить. Займемся этим по дороге.

Втроем в замкнутом пространстве. Одни почти час пути до Курска. Вздрагиваю, по телу пробегает дрожь.

- Напиши вопросы на листочке своему адвокату, - начинаю злиться на него, на себя, на свое тело.

- И последнее, я не уверен, что твоя машина доедет до Курска сегодня или вообще когда-нибудь, - Ярослав складывает руки на груди, преграждая мне дорогу.

- Твое мнение меня волнует в последнюю очередь. Никто не давал тебе права... - обхожу мужа и застываю перед своей «ласточкой».

Заднее левое колесо полностью спущено, и машина стоит на обочине. В таком виде мне даже до СТО не добраться – покрышку сотрет в хлам.

- Да что за?... - запускаю руки в волосы.

- Что и требовалось доказать, - раздается у меня за спиной.

- Ты! – резко разворачиваюсь. Мой палец упирается в широкую, обтянутую дорогим батистом грудь. – Это все ты!

- Я? – Ярослав удивленно вскидывает брови. – Хочешь сказать, что я карячился и целый час выпускал воздух из твоего колеса?

Раскрываю рот. Но обвинения так и не слетают с губ. Действительно, смешно.

Совладелец многомиллионной корпорации в костюме стоимостью в две мои машины сидит на корточках и зубочисткой стравливает воздух из старого грязного колеса.

С трудом удается подавить нервный смешок.

- У тебя есть запаска?

- Что? – встряхиваю головой и замираю.

Ярослав уже успел скинуть пиджак и закинуть его в салон своего авто. Перед моим удивленным взглядом расстегивает белоснежные манжеты и закатывает левый рукав.

- Ты серьезно? – мой черед удивляться.

- А что?

- Ярослав Строков меняет колесо на старенькой лачетти? В районном центре где-то под Курском? Я что попала в передачу «вас скрывают скрытой камерой»? – демонстративно поворачиваюсь из стороны в сторону, словно действительно ищу скрытую камеру и всю съемочную группу разом.

- Полина, - его голос опускается до проникновенного шепота. – Не передергивай.

- Не собиралась, Ярослав. Даже не собиралась. За время нашего брака я ни разу не видела тебя ни на кухне, ни за рулем, ни в продуктовом магазине. У тебя целый штат водителей, прислуги и рабочих всех мастей. А теперь ты вдруг меняешь колеса. Сам.

- У меня много скрытых талантов. Жаль, ты не захотела их разглядеть, - его голос не выражает никаких эмоций. А вот карие глаза вспыхивают раздражением и застарелой болью.

Ярослав забирает из моих рук ключи и открывает замок сигналки.

Ну вот опять! Мы возвращаемся к Николаю. И так каждый раз. О чем бы ни заходил разговор, итог будет один – моя измена.

- Ее нет и не было, - выдыхаю зло.

- Кого? – Ярослав открывает багажник и заглядывает внутрь.

- Запаски. У меня ее нет, - я хотела сказать что-то другое, но запаниковала. Какой смысл в сотый раз ему что-то доказывать? Самое разумное - перевести разговор в другое русло. Мне сейчас только очередного скандала не хватает.

-Докатка?

Выдыхаю, закрываю глаза и сжимаю кулачки. Ногти больно впиваются в кожу. Терпи, Полина.

- У меня нет ни запаски, ни докатки, ни домкрата.

- Ясно, - громкий хлопок закрываемого багажника заставляет меня вздрогнуть.

Гнетущая тишина разливается вокруг.

Ярослав молча проходит мимо, лишь слегка задев плечом. Кожа моментально вспыхивает, вдоль позвоночника бьют электрические разряды.

Его машина приветливо моргает фарами, стоит Ярославу только к ней подойти. Ни ключей, ни брелка сигнализации в его руках нет. Магия какая-то.

- Садись! – командует он, распахивая пассажирскую дверцу.

- А?... – вопросительно вскидываю брови.

- Твоя машина сегодня никуда не поедет. Едем на моей.

Складываю руки на груди.

- А дочь ты куда посадишь? – заглядываю в салон. Естественно не вижу детского кресла.

– Правилами дорожного движения предусмотрено...

Поучительным тоном читаю ему нотацию. На красивом мужском лице не дрогнул ни единый мускул, вот только взгляд недобро блеснул из-под темных бровей.

Не говоря ни слова, Ярослав разворачивается и возвращается к моей «ласточке».

- Как его отстегнуть? – он смотрит на кресло, словно впервые видит его в принципе.

Думаю, действительно впервые.

- Обычно, - фыркаю я. Слишком рано ты, дорогой, заговорил про скрытые таланты. – Отстегиваешь и вытягиваешь ремень.

Ярослав отстегивает ремни, выдергивает кресло и прихватывает любимую Сонину игрушку.

- Ты хоть подушку безопасности отключила, - бросает он через плечо, возвращаясь к своему авто.

- У меня не работают подушки безопасности, - хочу сказать резко, независимо вскинуть голову. Но выходит почему-то жалко.

Ярослав резко останавливается.

- Ты едешь на машине с неработающими подушками? Ты в своем уме?

- Я пристегиваюсь, - зачем-то оправдываюсь.

- Пристегиваешься, - повторяет он эхом и ставит кресло в свою машину. – А съездить в салон и узнать, что с подушками не пробовала?

- Ярослав, - говорю резко. – Ты знаешь, сколько стоит эта машина? О чем, я говорю, конечно, знаешь. Ты же уже все обо мне знаешь. Так вот, с ее возрастом и за ее цену она, скорее всего, после десятка аварий. И конечно, здесь не работают подушки, потому что их здесь уже тупо нет. Салона здесь тоже нет. А если бы и был, эти подушки стоили бы дороже этой машины.

Пока я говорю, его взгляд темнеет, мрачнеет и наливается яростью. Еще чуть-чуть и выплеснется.

- Хорошо рассуждать, когда родился с золотой ложкой во рту. Когда любое твоё желание и хотение выполняют по щелчку пальцев. Но большая часть населения нашей страны пашут и день, и ночь на работе, чтобы на еду и коммуналку заработать. На покупки крупнее пары сапог вообще копят месяцами, - сама не замечаю, как распаляюсь.

- У тебя все это было, - выдыхает он зло. - Золотая ложка, если не во рту, то в руках и платиновая карта в придачу. Слуги, исполнение желаний. Ты сбежала и прихватила немаленькие деньги с этой самой карты.

- Я уже сотню раз извинялась за эти деньги. Да, я поступила необдуманно, когда их тратила, - сердце ускоряется в груди, к горлу подкатывает ком. – Но я ни копейки не украла. Ты сказал, что я могу тратить, и я тратила. Без задней мысли.

Я не умею врать. И каждый раз, когда пытаюсь это делать, меня накрывает волной паники. Голос дрожит, а вдоль спины стекают ледяные капельки пота.

- Хватит! – стараюсь разозлиться, потому что злость дает мне силы, прогоняет страх. – Больше я не собираюсь оправдываться. Если ты решил сегодня вспоминать старое, я тебя

разочарую. У меня нет настроения. Хочешь тест, приходи с решением суда! – резко разворачиваюсь, закидывая сумочку на плечо.

Сама не понимаю, что творю. Внутри все дрожит. Дыхание сбивается.

Вот черт, я еще и иду не в ту сторону. Остановка как раз осталась за спиной Ярослава. Впереди только стайка самых наглых и любопытных коллег и здание нашего офиса.

Вокруг запястья смыкаются длинные мужские пальцы.

Ярослав резко дергает меня к себе.

- В этом вся ты, Полина! – выдыхает он мне в лицо, жадно скользя по мне свирепым взглядом. - Ты не решаешь проблемы, ты бежишь от них.словно страус, суешь голову в песок, не думая о своей заднице!

Замираю, пораженная его словами.

-Я? Это я бегу от проблем? Я предпочитаю их не замечать? Ярослав, а ты не замечал, что все наши разговоры заканчивались, не успев начаться! Ты тут же делался или уставшим, или занятым.

- Поэтому ты сбежала с моим братом? – он вздергивает брови. А взгляд превращается в расплавленную бездну.

- Я не сбежала с Николаем! – почти кричу. – Если бы ты хоть чуточку меня любил и переживал обо мне...

Карий взгляд вспыхивает раздражением и ненавистью. Что не нравится? Терпи!

- ... то узнал бы, что я уехала на поезде одна в плацкартном вагоне. Всю ночь пролежала скрючившись от боли и полного опустошения на жесткой полке. А утром меня снимали с поезда сразу в машину скорой помощи. Так я и оказалась здесь! – пытаюсь выдернуть запястье из плена его руки и обрисовать пространство вокруг. – Меня просто вынесли и увезли в местную ЦРБ, а поезд поехал дальше.

Резко вдыхаю закончившийся в легких воздух. Жду ответа. Но его нет.

- Я ждала. Честно. С ужасом и где-то в самой глубине души с нетерпением ждала, что ты найдешь меня. Я знала, что ты не оставишь все просто так. Но ты оставил. Просто смирился с тем, что я ушла. Больная, потерявшая ребенка, раздавленная.

- Полина, я не терплю лжи, - говорит он ровно. Но взгляд.

Расплавленное золото попеременно со злостью и ненавистью опалает меня. Заставляет давно разбитое сердце болеть вновь.

- Я не лгу, - почти кричу в отчаянье.

- А кто лжет? Мой брат? Который, в отличие от тебя, имел мужество признаться в том, что произошло!

Зло фыркаю, и тут же Ярослав встряхивает меня.

- Персонал клиники? Который сбился с ног и вызвал полицию, когда не смог найти тебя?

- Я имела право уйти! - отвечаю резко. - Я ушла глубокой ночью, когда ко мне никто не подошел за несколько часов.

- Ну вот опять! Опять врешь! У меня даже выписка осталась с твоими анализами, УЗИ, осмотром гинеколога...

- Бред! – качаю головой. – Никакой выписки быть не может!

- Хочешь сказать, что они обманули меня? Зачем им это?

- Не знаю. Но это ложь!

- А выписки со счета? Куда делись несколько десятков тысяч долларов? Станные покупки, переводы на непонятные счета, съем налички? – его взгляд горит праведным гневом. Чем больше я пытаюсь оправдаться, тем больше он злится.

Опускаю взгляд. На последний аргумент у меня нет ответа.

Нет, не так. У меня есть ответ и он очень весомый. Но я не могу! Просто не могу сказать! Ярослав и так считает меня лгуньей, воровкой, а это... Это просто выше моих сил. Пусть этот секрет и мой позор останутся со мной.

- Думай, что хочешь. Мне уже плевать, - дергаю руку.

- Значит, это я избегаю серьезных разговоров? – он не выпускает моей руки. Черный зрачок вспыхивает, поглощает радужку.

Раскрываю рот, хочу ответить что-то резкое, грубое. Но не могу. Застываю под этим стремительно темнеющим взглядом. В опасной темноте разливается ярость, та самая, которая пугает до дрожи.

- Значит, это я бегу от объяснений? Тогда давай сейчас и поставим точку в одном из споров, - он наклоняется ниже. Горячее злое дыхание опалает мой висок.

От него волнами исходит напряжение. Воздух вокруг сгущается, становится вязким, тягучим, отказывается проникать в легкие.

Неуверенно киваю.

- Садись в машину, Полина, - произносит он низко, гортанно. Словно едва сдерживается. Опять киваю.

Так и сажусь в его машину словно на автомате, под впечатлением абсолютно черных глаз.

Таким я видела у Ярослава только один единственный раз в своей... нашей совместной жизни. В день, когда он решил, что я изменила ему с младшим братом. Никакие аргументы, никакие слова не способны изменить его решение. Спорить бесполезно.

До онемения в пальчиках впираюсь в ремень безопасности.

В полной тишине Ярослав выводит машину со стоянки. Напоследок бросаю взгляд на свою «ласточку» и с тоской думаю о том, во сколько мне влетит ремонт колеса или вообще покупка нового.

- Я распоряжусь, чтобы ей занялись, - бросает Ярослав, словно прочитав мои мысли.

- Я справлюсь, - пытаюсь отстоять свое мнение и свое личное пространство.

- Не спорь, - снова холодная сталь в голосе.

Открываю рот и закрываю. «Для чего это тебе, Ярослав?» - так и остается невысказанным.

Ради кого ты стараешься?

Ради дочери? Так ты не веришь, что она твоя. Ради жены, которую ты ненавидишь и презираешь?

Но продолжаю предусмотрительно молчать.

- Нам нужно в центр, - неожиданно до меня доходит, что Ярослав не знает, где Сонин садик и как к нему проехать. – На следующем повороте...

Договорить не успеваю. Муж включает поворотник и поворачивает сразу. Тихая безлюдная улочка среди частного сектора несколько раз петляет. За последним поворотом оказываются ворота садика.

Я удивленно хлопаю глазами. Почти полгода, как я вожу дочь в этот сад, но никогда не знала, что можно срезать по соседней улице да еще подъехать к самым воротам. Всегда останавливалась за десять – пятнадцать метров у бетонных блоков.

- Откуда? – срывается с моих губ.

- Как ты сказала, я все про тебя знаю и про твою...

Он перехватывает мой напряженный взгляд.

- Соноу. Идем, - отстегивается, заглушает машину.

- Я сама, - дергаюсь, но дрожащие пальцы никак не хотят попадать по клавише отстегивания ремня.

Ярослав успевает выйти, обойти машину и распахнуть мою дверцу.

- Тебе необязательно идти, - намекаю, что ему нужно остаться.

- Я пойду.

- Я не хочу, чтобы ты шел, - говорю прямо.

- О, - его чувственные губы изгибаются в кривой усмешке, а черный бездонный взгляд еще не вернул себе прозрачного спокойствия. – Тогда я просто обязан пойти.

Едва я выхожу из машины, как Ярослав разворачивается и шагает к входной двери. Звонит.

Спустя несколько секунд на пороге появляется ухоженная нарядно одетая женщина – заведующая.

Она удивленно вскидывает брови.

- Да?

- Мы за Егоровой Софией, - голос Ярослава напрягается, стоит ему произнести мою «новую» фамилию.

- А вы, простите, кто? – она приспускает ниже на нос модные очки в металлической оправе.

- Все хорошо, Татьяна Петровна, - словно черт из табакерки выскакиваю из-за широкого плеча Ярослава.

- Поля? – брови женщины ползут еще выше, выражая уже не просто удивление, а изумление с толикой сожаления и разочарования.

Она переводит взгляд на мужа. Долго и внимательно она осматривает широкие плечи, белоснежную батистовую рубашку, безумно дорогие часы на запястье и даже успевает бросить взгляд через его плечо на машину.

- Я так понимаю, Альберт еще занят? - наконец, произносит она то, что вообще не должна была.

Простая фраза бьет словно пощечина. Не вижу, но чувствую, как напрягается Ярослав, краем глаза замечаю ходящие под смуглой кожей желваки.

Проклятье маленьких городов – все друг друга знают. Хуже того, кто-то кому-то приходится родственником.

Мой начальник - родной, единственный и самый любимый сын заведующей частным садиком, в который ходит Соня.

Хуже того, что он сам имеет на меня какие-то виды, только то, что все его друзья и родные пытаются помочь ему в этом. Даже бывшая жена. Что уже говорить про мать?

- Да, - протискиваюсь вперед, практически отталкивая ее со своего пути, - много работы, большой проект.

Открываю дверь в группу и ищу взглядом свою ненаглядную девочку.

- И пока Альберт занят, ты показываешь наш город гостям?... – слышу позади себя ее недовольное высказывание.

- Да, - Ярослав шагает следом за мной, - всегда мечтал посмотреть ваш городок. Но как оказалось, смотреть здесь особенно не на что, и мы решили свозить дочь в Курск.

Резко оборачиваюсь. Успеваю заметить как вытягивается и без того худое лицо Татьяны Петровны. Как широко распахиваются ее глаза. Рот открывается и закрывается абсолютно беззвучно.

- Мама! – сзади за ноги меня обхватывают такие родные маленькие ручки.

- Дочь? – выдавливает из себя заведующая.

- Я разве невнятно говорю? – усмехается Ярослав. – Ну, здравствуй, Соня.

Он присаживается передо мной на корточки и протягивает смущенному ребенку свою огромную ухоженную ладонь.

Ага, разбежался! – мысленно ликую я.

Но...

Мой застенчивый ребенок, абсолютно не переносящий чужих людей, отпускает мою ногу, делает неуверенный шаг вперед и...

Мои глаза округляются, рот раскрывается в изумлении.

...и протягивает Ярославу ладошку.

- Здравствуй, Соня.

- Пливет! – звонкий голосок гулко разносится по комнате.

Дыхание перехватывает от представившейся мне картины.

В небольшом фойе местечкового частного садика встретились владелец многомиллионного состояния с яростным взглядом и презрительной улыбкой на губах и маленькая принцесса, являющаяся смыслом моей жизни.

Отец и дочь. Огромная рука сжимает крохотную ладошку.

Ком подкатывает к горлу. Глаза начинает щипать. Сколько темных ночей я мечтала об их встрече? И сколько пустых серых дней надеялась, что это никогда не произойдет!

Хочу броситься вперед, разнять их руки, кричать и плакать, что все это ошибка и Соня только моя дочь! Моя и больше ничья! Но не могу пошевелиться.

В карих глазах мужа вспыхивает теплое золото, мягкий свет обволакивает Соню и меня, лучится, согревает. Яростное презрение стихает, исчезает, открывая недоступную мне до этого момента глубину счастья и нежности.

Он не говорит ни слова. Просто сидит на корточках. Осторожно пожимает ладонь дочери и улыбается.

Сердце болезненно сжимается в груди. Я помню эту улыбку. Он дарил ее мне когда-то очень давно, еще до нашей свадьбы. Нежно, любя, согревая.

Не важно, что сейчас он дарит этот взгляд и эту улыбку не мне, я все еще могу греться в их отблесках. И где-то в глубине души радуюсь этому.

Огромные любознательные карие глаза-бусинки Сони, не отрываясь, следят за отцом. Она с интересом рассматривает его ладонь, дорогие часы, пуговицы на рубашке и его лицо.

Пухлые губки округляются и вытягиваются, словно она пытается выговорить букву «О». Не отнимая ладошки у отца, она тянет вторую ручку, пытаясь потрогать густую темную щетину.

Они так похожи: оба темноволосые, Ярослав коротко стрижется, его волосами занимаются стилисты в лучших салонах столицы, но я то знаю, что у него такие же упругие кудри, как у Сони. Теплое золото глаз в обрамлении почти черных ресниц и две ярко очерченные ямочки на круглых щечках.

- Кхм, - позади, разрушая волшебство момента, откашливается заведующая.

Встряхиваю головой и делаю судорожный вдох.

- Идем, родная, - тяну к дочери руки, и Соня отступает от отца на шаг. Ее ладошка выскользывает из его руки.

Чувствую, как рушится волшебство, но сделать уже ничего не могу.

На долю секунды, может, и меньше успеваю заметить в расплавленном золоте его глаз сожаление и горечь утраты. Взмахом ресниц Ярослав отсекает от меня свои чувства.

- Значит, на ужин тебя сегодня не ждать, Полина? – зачем-то задает очередной неуместный вопрос Татьяна Петровна.

Ярослав хмыкает, слишком резко поднимается в полный рост и распахивает дверь на улицу.

- Нет, Татьяна Петровна, не ждите, я же говорила, что не смогу, - голос опускается, слова даются мне с трудом.

Я действительно не собиралась сегодня к ней на ужин, да еще и в компании своего начальника. Но чувство неловкости не отпускает.

Женщина лишь понимающе кивает, прощается и запирает за нами дверь.

Спину обжигает ее тяжелый заинтересованный взгляд сквозь опущенные жалюзи.

Внутри вскипает злость. Невероятно яркой, мощной волной она окатывает меня с ног до головы. Почему я все это терплю? Почему всегда чувствую себя виноватой?

- Если ты отказалась из-за меня, то не стоило, - Ярослав распахивает передо мной дверцу.

- После клиники я бы доставил тебя прямо на «бал».

Его тихий голос сочится ядом презрения.

- Не беспокойся. Ты не нарушил моих планов, - стараюсь говорить ровно.

- Да? А мне показалось...

- Ты ошибся! - резко обрываю его.

Усаживаю Соню в кресло, игнорируя протянутую ладонь мужа. Показательно медленно пристегиваю ремни, даю Соне ее игрушку, водичку.

Ярослав ждет. Стоит мне закончить, как он распахивается для меня пассажирскую дверцу.

В удивлении вскидываю брови и одабриваю бывшего красноречивым взглядом.

- Я поеду с Соней сзади, - говорю и быстро забираюсь на сиденье рядом с моей малышкой.

Отчетливо слышу, как сжимаются мощные челюсти и скрипят зубы. Но Ярослав молчит, практически бесшумно захлопывает пассажирскую дверцу, а потом дверцу назад и садится за руль.

- Скажи, здесь принято приглашать на ужин замужних женщин? - длинные пальцы с силой сжимают руль.

Ловлю в зеркале заднего вида обращенный на меня вспыхнувший взгляд карих глаз.

- Обычно нет, - пожимаю плечами. Возможно, слишком равнодушно. - Но мы с тобой отдельный случай.

Не заканчиваю мысль и отворачиваюсь к окну.

- Почему? - рычит Ярослав.

- Потому что эти люди, я уверена, сомневались в твоём существовании. Эти два года ты был для них чем-то вроде моего бреда. Они знали о тебе, качали головами, но за глаза считали меня врушкой.

- И тебя это устраивало, - констатирует он.

Бросаю быстрый взгляд вперед.

Мощные ладони до скрежета сжимают кожаный руль. Под смуглой бархатистой кожей вздуваются жгуты вен.

Сердце неожиданно замирает, дыхание сбивается. Как в плохих мелодрамах память услужливо подкидывает мне старые воспоминания того, как эти самые руки могут быть нежны. Ласкать мое тело, сжимать, гладить, доводить до иступления...

Щеки моментально вспыхивают. Словно взбесившаяся кровь разбегается по венам, стекает вниз, распаляет низ живота и промежность...

Сжимаю кулачки до боли! Только этого мне не хватало!

Глава 5

К Курску мы добираемся в вечерний час пик. Каждый светофор становится целым испытанием.

Моя малышка, привычная к автомобильной езде, уже сопит в своем креслице.

А я делаю вид, что увлеченно рассматриваю что-то в окне.

Перед глазами снова и снова встает встреча Сони и Ярослава.

Ком подкатывает к горлу, стоит вспомнить, как Соня протянула к отцу ручку, как сама пошла к совершенно незнакомому человеку.

Я не верю в родство душ, маленький ребенок не может чувствовать «родственника», кровь. Что там еще говорят в таких случаях? Но тогда как, как объяснить это?

Она ведь действительно ни к кому не идет, не дает себя трогать, даже умильные слова от незнакомых людей в ее адрес способны расстроить или испугать дочь.

А он просто протянул руку и она...

- Приехали.

Вздрагиваю. За окном статичная картинка небольшой парковки и милого ухоженного сквера за ней. Когда мы уже успели припарковаться?

Перевожу взгляд на дочь – мой ангелок по-прежнему спит, мило причмокивая пухлыми губками.

Улыбаюсь ей.

Неожиданно волосы на теле приподнимаются, по нервам пробегает ток, оставляя легкие покалывания на кончиках пальцев. Сердце тревожно и волнительно разгоняется до ста ударов в минуту.

Поднимаю голову и встречаюсь со стремительно темнеющим взглядом напротив. Черный зрачок вспыхивает, поглощает радужку, вытесняя из нее все знакомое и понятное.

Чем дольше я смотрю в эти глаза, тем меньше ощущаю себя цельной, сильной, способной сопротивляться.

Черная бездна вспыхивает вожделением и почти животной страстью, яркими искрами проносятся обещания незабываемого блаженства.

Мне надо закрыть глаза, отвести взгляд. Но я не могу.

Огненная волна окатывает меня. А я дрожу от озноба. Под тонкой шелковой тканью платья соски напрягаются, кожа покрывается мурашками. Внизу живота появляется томительная тяжесть.

Резко свожу бедра вместе, словно так могу унять неожиданно разбушевавшееся желание.

Легкая недобрая усмешка кривит тонкие чувственные губы.

- Как всегда готова к соблазнению, - хрипло говорит Ярослав. Звук его голоса ледяной волной проходит по моему телу.

Встряхиваю головой, скидывая с себя оцепенение.

Ярослав сидит, развернувшись в кресле. Он успел отстегнуться, заглушить автомобиль. Сколько он уже так сидит? Сколько наблюдает за мной?

- А ты так отчаялся, что готов купиться? – отвечаю быстрее, чем думаю.

В то же мгновение черты его лица заостряются, вспыхнувшие яростью глаза сужаются. Да, не надо было этого говорить.

- Нет, конечно, нет, - его голос понижается до хриплого шепота.

Ярослав распахивает дверцу и быстро выходит. Обходит машину и подходит к дверце со стороны Сони.

- Я сама, - выскакиваю следом. Подбегаю и практически отталкиваю его от дочери.

- Я хотел помочь.

- Не утруждайся, - осторожно касаюсь пухленькой ручки. – Доча, просыпайся...

- Думаешь, я недостаточно хорош для нее?

- Не думаю, - «знаю» - хочу закончить фразу резко, ударить сильнее, но останавливаю себя. Нам не нужны скандалы. – Она не любит чужих. А после того, как поспит в машине, сразу капризничает. Я просто не хочу успокаивать плачущего ребенка.

Отстегиваю ремни. Соня открывает глазки и тут же закрывает их снова.

- Малыш... - осторожно вынимаю все еще борющегося со сном карапуза.

- Она же пошла ко мне в садике, - Ярослав захлопывает дверцу за нами.

- Это ничего не значит. Просто исключение...

- Тебе проще так думать, чем признать, что ребенок принял меня.

- Ярослав, - останавливаюсь резко, крепче прижимая к себе ребенка. – Я не отказываюсь от своих слов: Соня – твоя дочь. Но не надо думать, что ты теперь центр ее жизни. Мы полтора года прекрасно обходились без тебя и, если ты сейчас снова исчезнешь, будем прекрасно справляться дальше. К тому же ты до сих пор не уверен, что она твоя.

Его губы сжимаются в тонкую полоску, ярость с новой силой вспыхивает во взгляде.

- Ты же сама прекрасно знаешь, - он подхватывает меня под руку и дергает на себя, - что она Строкова.

Его голос опускается, взгляд прожигает меня насквозь.

- Я или Николай...

Дергаюсь, словно от пощечины. Никогда он не забудет моей «измены». Никогда не простит.

- Или Владислав, - надеюсь вывести его из себя. Хотя на секунду сделать ему так же больно, как он делает мне своими обвинениями.

- Не носи ерунды, - рявкает Ярослав. – Влад здесь не при чем! Да даже если бы и был! Девочка все равно МОЯ КРОВЬ. Отец – один из нас...

Горящие глаза сужаются. Тяжелый нечитаемый взгляд пригвождает к месту. Руки начинают дрожать не то от страха, не то от веса ребенка.

- ...один из нас троих, - заканчивает Ярослав почти спокойно. Вот только в его спокойном холодном тоне сквозит что-то едва уловимо опасное.

- Ты уверен, что она твоя... КРОВЬ, но мы все равно идем на тест? – вскидываю бровь.

- Мне нужно документальное подтверждение. К тому же я хочу знать точно, кто из нас...

- он делает паузу, - ...отец.

Соня начинает возиться на моих руках, хныкать, отталкивать меня.

- Вот черт, тише, малыш, тише. Мы уже приехали, - пытаюсь ее успокоить, поглаживаю по спинке.

- Давай я, - Ярослав не простит, забирает у меня из рук дочь.

И о чудо! Она тут же затихает, прижимается к незнакомому отцу и с интересом разглядывает его щетину, губы, которые движутся, пока он что-то говорит.

- Водичка! – вспоминаю я о бутылочке уже на ступеньках клиники.

- Что? – Ярослав бросает через плечо, не оборачиваясь.

- Я забыла ее водичку в машине.

- Ничего не нажимай, только дерни ручку, - Ярослав достает из кармана небольшой черный глянцевый брелок. – Мы будем ждать тебя внутри.

Выхватываю «ключи» от машины. Стоит мне подойти к дорогушей машине, как она приветливо щелкает замками. Открываю дверцу. Забираю бутылочку и несусь в клинику.

Соня в любую минуту может разрыдаться, я должна быть с ней. Должна быть рядом!

Хватаю ручку, дергаю на себя и замираю словно громом пораженная. Дверь заперта. Ручка не поддается. Я хватаюсь за вторую ручку на двухстворчатой двери. Но и эта половина не поддается.

Паника медленно подкатывает к горлу.

Дергаю двери, стучу по стеклу. Замечаю сбоку кнопку звонка.

Слава богу!

Не убирая пальца, целую минуту жду хоть какого-то ответа.

Наконец сквозь идеально чистое стекло появляется охранник. И это не пожилой пенсионер в застиранной форме неизвестного ЧОПа. Это довольно молодой мужчина в хорошей физической форме, в дорогом костюме.

Он отпирает дверь, но впускать меня не спешит.

- Вас нет в списке посетителей, - с ходу чеканит он.

- Как? Я приехала с мужем, - пояснять про «бывшего» не собираюсь. – Он только что вошел с ребенком, Ярослав Строков и София Егорова. Только что. Я с ними...

Трясу перед носом охранника бутылочкой с водой и собираюсь войти в дверь, но мужчина мягко, но настойчиво отстраняет меня.

- Я не понимаю, о чем вы говорите. Вас в списке посетителей и пациентов нашей клиники не числится.

- Но Строков, он... - страх ледяными когтями вспарывает внутренности, выпуская панику на волю.

Охранник складывает руки на груди, отсекая меня от себя.

- Но он же вошел, правда? Вошел же?

- Простите, по этому поводу ничего пояснить не могу.

В голове проносятся сотня вопросов. Как так случилось? Что это за глупое недоразумение? Как так может быть, чтобы мать не пустили к ребенку? Строков там совершенно один с Сонечкой, без бутылочки... Дочь будет плакать, Ярослав - нервничать.

Или нет? – проносятся в мозгу.

В глазах собираются жгучие слезы. Появится ли Строков? А может, это все хорошо спланированный план?

Соня – МОЯ КРОВЬ! – последнее, что пульсирует в моем мозгу, перед тем, как я начинаю реветь раненной белугой!

Практически падаю на каменные ступени.

- Что значит, вы не приедете? – реву в трубку.

- Девушка, успокойтесь, - на том конце безучастный женский голос полицейского диспетчера в очередной раз спрашивает одно и то же. – Когда пропал ребенок?

- Десять минут назад, может меньше, - вытираю лицо ладонью.

- Кто увел ребенка?

- Ярослав Строков, - чеканю быстро. Слабая надежда расцветает в груди.

- Вы знаете этого человека?

- Конечно! – одни и те же вопросы начинают меня бесить.

- Кем приходится этот человек ребенку?

- Он отец моей дочери, - выдыхаю сквозь зубы.

- Вы знаете этого человека?

- Да вы издеваетесь? – взвизгиваю.

На том конце на секунду воцаряется тишина и снова мне прилетает вопрос.

- Кем приходится этот человек вам?

- Он мой муж...

- Значит, ваш муж взял вашего общего ребенка и зашел в клинику?

- Да! – нетерпеливо перебиваю голос из трубки.

- Перед этим он дал вам ключи от своей машины и сказал, что будет ждать с ребенком внутри?

- Да!

- Возможно, они внутри. Вы не проверяли?

- Нет!!!

Очередная пауза затягивается.

- Возможно, вам стоит проверить. Всего хорошего, - безэмоциональный женский голос на долю секунды превращается в холодный и строгий. А после просто исчезает за отрывистыми короткими гудками.

- Нет, нет, постойте. Он никогда не видел Соню...

Но слушать меня продолжают уже гудки.

Пальцы дрожат и с трудом попадают по клавиатуре. За пеленой слез не вижу экрана. Пытаюсь набрать номер «на ощупь», но ничего не выходит.

Сжимаю смартфон в руках и опускаю голову. Соня, доченька! Сердце сжимается в груди, и я с болезненной ясностью понимаю, как мне ее не хватает. Она – вся моя жизнь...

Всхлипываю.

- Полина, что случилось? – звучит совсем рядом хорошо знакомый голос.

Вскакиваю со скоростью молнии. Резко разворачиваюсь.

- Ты... - бросаюсь к Ярославу.

На его руках сидит сияющая София, в одной ее руке ярко-зеленый леденец, в другой – запакованный одноразовый медицинский шпатель.

Карие глазки-бусинки лучатся счастьем и по очереди смотрят сначала на лакомство, а потом на «подарок».

- Мы, - кивает Ярослав, рассматривая меня.

Его взгляд темнеет, хмурится, стоит ему заметить мои слезы.

- Что случилось? – в тихом баритоне слышится беспокойство. – Почему ты не пришла в клинику? Что-то с родными?

Его взгляд мечется по моему лицу, подмечает красный распухший нос, отекающие глаза, закусенную до боли губу. Только бы не разрыдаться. Только бы...

Слезы брызгают из глаз.

- Родными? - бросаюсь вперед. – Кроме дочери у меня нет родных. Дай ее мне...

Забираю Соню и прижимаю к себе. Дочка охает от неожиданности и роняет шпатель.

- Атель, тель, - она пытается вывернуться, наклониться, достать свою новую игрушку. А я продолжаю прижимать ее к себе и плакать.

Внутри, среди болезненной пустоты медленно расплзается тепло и ликование. Моя дочь со мной. Все хорошо.

Меня начинает бить крупная дрожь, руки подрагивают, цепляюсь пальцами за нарядное платье дочери.

Ярослав наклоняется, поднимает шпатель и протягивает его дочери. Разворачивает меня к себе.

- Ты дрожишь, Полин, что случилось?

- Случилось? – эхом повторяю я. – Случился ты, Строков!

Медленно тепло растекается по телу, но дрожь не проходит. Дышу урывками, мелкими глотками. Опускаюсь прямо на теплые каменные ступени, усаживаю дочь себе на колени и не отпускаю ни на секунду. Глажу ее волосы, поправляю пуговицы на платье.

- Ты меня пугаешь, Полин, - Строков садиться рядом. Не пытается прикоснуться, но его тепло ощущается каждой клеточкой. – Почему ты не пришла к нам? Мы ждали тебя. Долго. Пришлось сдать тест без тебя... надо будет заполнить бумаги... страховое...

Где-то еще в самом начале я упускаю нить разговора. Мы ждали тебя... ждали... долго...

Накручиваю на палец темный локон дочери. Делаю глубокий вдох. Напряжение медленно, капля за каплей отступает. Дышать становится легче.

- Почему я не пришла?

Ярослав кивает.

- Потому что меня не пустили в эту замечательную клинику. Выставили как собачонку. Даже не сказали, зашли вы внутрь или нет. Представь мое состояние, Строков! – начинаю едва слышно, но к концу голос срывается на крик. – Представь, что я почувствовала! Я думала... Я подумала...

Новая волна страха и слез сжимает спазмом горло. Больше не могу говорить.

- Повтори.

Я продолжаю одной рукой размазывать по щекам слезы и всхлипывать.

- Повтори, - Ярослав хватается за руку и дергает.

Поднимаю удивленный взгляд сначала на его руку. От нее по коже расползается обжигающее тепло. Вокруг приподнимаются волоски.

Потом на его на лицо мужа.

Его глаза полыхают яростью из-под сведенных на переносице бровей. Высокий лоб пересекает глубокая складка.

- Что именно? Что ты унес моего ребенка в неизвестном направлении? Или как я подумала, что больше не увижу ее никогда?

- Нет, - Ярослав дергается, словно от пощечины. В карих глазах на миг появляется растерянность, но злость и безумие быстро гасят его. – Про то, что тебя не пустили.

- Меня не пустили в эту клинику. Сказали, что в списках меня нет и войти я не могу. А...

- Ясно, - Ярослав резко поднимается. – Подожди меня, пожалуйста, здесь.

Я не двигаюсь.

- Не уходи, - звучит уже как приказ.

Киваю.

София что-то радостно и увлеченно рассказывает мне на смеси человеческого и младенческого. Я даже не пытаюсь вникнуть и понять. Просто прижимаю своего ребенка к себе. Глажу шелковистые волосики, спинку, целую ее макушку.

- Мое солнышко, моя роднуличка. Мама так испугалась...

Не знаю, сколько мы так сидим. Я никуда не тороплюсь. Просто впитываю тепло родного человечка и радуюсь этому.

Позади слышится грохот дверей. Вздрагиваю.

Следом за быстрым широким шагом раздается перестук каблучков.

- Ярослав Михайлович, - истерический женский голос скребет по нервам. – Это досадная случайность. Ваша жена она не так поняла... подождите.

- Полина, - Ярослав оказывается рядом. Наклоняется, подхватывает меня под руки и поднимает. - Нам пора. Идем.

Быстро оценив мое состояние, Ярослав забирает из моих рук наше сокровище и ключи от машины.

- Ярослав Михайлович! – прямо перед нами оказывается раскрасневшаяся женщина в суперобтягивающем «строгом» платье. Ее грудь пятого размера тяжело вздымается и норовит вот-вот выскочить из низкого выреза. – Позвольте нам сгладить неприятное впечатление от этой досадной случайности...

На эффектно обтянутой груди женщины огнем горит металлический бэйдж с гравировкой «администратор».

- Что? – в мужском голосе звенит сталь. - Досадная случайность? Мою жену не пустили на порог! И это при том, что я предупредил вас на ее счет. Это по-вашему случайность?

- Да, я понимаю, что это выглядит...

- Херово! – резко обрывает Ярослав попытки администратора сгладить конфликт. – Мою жену оставили на улице на жаре, позволили просидеть все это время прямо на ступеньках!

Администратор ахает и участливо кивает головой.

- Но мы... - пытается она вставить слово.

- Вам повезет, если вы не закроетесь или не вылетите на улицу полным составом после того, как Дмитрий Михайлович узнает о случившемся.

Миленькое личико напротив нас вытягивается, в глазах плещется страх, губы округляются.

- Дмитрий Михайлович Воронцов? – она судорожно сглатывает.

- Он самый, – хищно щурится Ярослав. – Наберу вашему учредителю, как только доберусь до дома. Расскажу, как в Курске держат марку!

- Может, мы сможем...

- Не сможете! – резко пресекает ее попытки муж, подхватывает меня под локоть и обходит настойчивую даму.

- Спасибо, - шепчу едва слышно, пока Ярослав усаживает Соню в креслице и пристегивает ремни. Сам.

Он на секунду отрывается, пронзает меня серьезным напряженным взглядом.

- Ты действительно решила, что я способен просто так взять и отобрать у тебя ребенка? – в спокойном голосе сквозит боль и обида.

Замираю не в силах выдать ответ.

Ярослав практически силой усаживает меня на переднее сиденье.

Все мои протесты и просьбы остаются без ответа. Дверь захлопывается.

Строков садится за руль. Нажимает большую круглую кнопку, мотор отдается мягким урчанием.

Ярослав переключает коробку, сжимает руки на руле.

Машина начинает медленно трогаться, подкатывается к выезду с парковки и тут же резко тормозит.

-Твою мать, - хрипит Строков и переключает коробку автомат на режим стоянки. - Ответь мне, Полин.

Он разворачивается, пронзая меня темными словно предгрозовое небо глазами. В них так много всего: ярость, бешенство, боль и затаенная обида.

Вдоль позвоночника пробегает волна ледяного холода.

За все то время, что мы были вместе я не припомню, чтобы Строков так быстро завоذيлся. Всего минута от спокойствия до бешенства.

Наоборот, я всегда его считала самым уравновешенным и холодным из трех братьев. Влада я знала меньше, он почти круглосуточного пропадал на работе. Но в редкие семейные вечера висел на телефоне, решая судьбу корпорации и благополучие семьи. Нередко громко, не стесняясь выражений.

Николай. Сердце сжимается в груди. Сожаление вперемежку с горечью заполняет меня.

Молодой, яркий, всего на пару лет старше меня, душа любой компании от чопорных подруг его матери до деловых партнеров старших братьев. Слишком экспрессивный, взрывной. Косой взгляд официанта мог послужить причиной ухода из ресторана со скандалом.

- Что ты хочешь знать? – пытаюсь отвернуться, но длинные сильные пальцы подхватывают мой подбородок. Впиваются в него и удерживают на месте.

- Те реально думаешь, что я смогу увезти от тебя ребенка вот так? Силой или обманом? – его голос опускается до зловещего шепота. Наждачкой он проходит по напряженным нервам.

Почти черный взгляд пронзает меня, проникает в душу, не дает слухавить, обмануть.

- Я не знаю... - выдавливаю неопределенно, все-таки отводя взгляд.

- Не знаешь?

- Нет, не знаю. Я вообще, как оказалось, совсем тебя не знала, - делаю глубокий вдох и выдыхаю. – Два года назад ты поверил чужой лжи, бросил меня подыхать в той клинике. Все эти годы тебе было плевать, где я и что со мной. Вчера ты заявился и потребовал развода –

да на здоровье. Где подписать? Я с радостью. Ни на что не претендую! Только моего ребенка не трогай!

Черный зрачок напротив яростно вспыхивает, пальцы до боли впиваются в мой подбородок.

- Еще вчера ты не верил, что Соня твоя, а сегодня с утра уже узнал, где ее садик, а вечером таскаешь ее на руках и говоришь, что она твоя кровь! Как я могу на это реагировать? Как...

Договорить я не успеваю. Ярослав резко подается вперед, перегибается через торпеду, притягивает меня к себе и впивается в мои губы жадным болезненным поцелуем. Его губы обхватывают мои. Дергаюсь от болезненного укуса. Солоноватый привкус крови заполняет рот.

Его язык настойчиво и упрямо раздвигает мои губы, врывается внутрь полноправным хозяином.

Мысли путаются. Захлебываюсь от бури ощущений. По телу пробегает судорога, в груди разливается тепло и резкой волной опускается ниже. Кончики пальцев покалывает от желания коснуться его плеч, подняться, едва касаясь кожи, по шее вверх и зарыться в темных густых волосах.

Резкий сигнал автомобильного клаксона практически отрывает меня от мужа.

Вырываюсь из его рук. Хватаю ртом воздух. Прижимаю ладонь к пылающим губам.

Резко остановившись, Ярослав перекрыл единственный въезд на парковку. Прямо перед нами стоит огромный внедорожник. Желающие посетить эту замечательную клинику не хотят ждать. Спасибо им за это.

Сигнал повторяется. На этот раз более настойчиво и протяжно.

- Да бля, - рычит Ярослав, резко защелкивает ремень безопасности и газует с места.

Не отнимаю ладоней от губ. Отворачиваюсь к окну.

Жар постепенно сходит, уступая место стыду и разочарованию в самой себе. Почему я его не оттолкнула? Почему снова позволила ему вести себя подобным образом?

Снова и снова задаю себе эти вопросы, но ответа не нахожу.

Вспыхнувшее так некстати желание отдается болезненным спазмом внизу живота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.